

ИЗМЕРЕНИЕ ВЫБОРОВ ПРИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ АВТОРИТАРИЗМЕ: ИНДЕКС ДИСПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ВЫБОРОВ

М. В. Иванова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Студенческая, 38, Пермь, 614070, Россия

Индекс диспропорциональности выборов демонстрирует, насколько результаты выборов соразмерны воле избирателей. Традиционно индекс диспропорциональности рассчитывается через разницу между долей голосов, отданных за партию, и долей полученных ею мандатов. В статье предложена методика расчета индекса диспропорциональности, адаптированного для российского случая, которая позволяет оценить соразмерность результатов выборов ожиданиям элит. Используя территориальное распределение кандидатов на выборах, индекс при измерении диспропорциональности учитывает косвенное воздействие на предложение избирательной системы. Таким образом, создан инструмент для точной оценки диспропорциональности результатов выборов относительно голосования избирателей при учете особенностей российской избирательной системы.

Ключевые слова: диспропорциональность, выборы, региональные выборы, избирательная система, политические партии, партийные системы, индекс диспропорциональности, электоральный авторитаризм, правящие группы.

Диспропорциональность как теоретическое понятие описывает деформации общественного мнения партийным представительством (Дюверже, 2000, с. 451–452). Для измерения диспропорциональности выборов в демократиях были разработаны одноименные индексы, редуцировавшие категорию «общественное мнение» до результатов голосования избирателей, а «партийное представительство» — до доли мандатов в парламенте. Традиционно измерение диспропорциональности означает, что правила перевода голосов избирателей в мандаты или конверсия голосов в известной степени искажают результаты выборов. Избирательная система способна «корректировать» выбор избирателя в пользу элит, обладающих эксклюзивными возможностями использовать механизмы этой корректировки. Считается, что в развитых демократиях перевод голосов избирателей в мандаты не сопровождается значительными трансформациями (Lijphart, 1994, p. 91–94), в то время как при электоральном авторитаризме выбор избирателя сознательно искажается (Schedler, 2002, p. 37; Tan, 2013, p. 641). Вместе с тем действенность таких механизмов зависит от способности государства поддерживать порядок (Seeberg, 2014, p. 1279; Schedler, 2014, p. 9). Обычно для измерения диспропорциональности в электоральном авторитаризме ис-

пользуются те же индексы, что и в развитых демократиях, без учета очевидной специфики случаев таких стран.

В данной статье делается попытка создания индекса, подходящего для измерения диспропорциональности российских выборов. Такой индекс, адаптированный под российскую ситуацию, позволил бы точно измерить, в какой степени элементы избирательной системы деформируют результаты голосования избирателей.

Измерение диспропорциональности предполагает ряд важных допущений.

Одно из них исходит из значительной роли политических партий при демократии (Острогорский, 1997, с. 527). Высокая степень институционализации партий снижает для избирателей уровень неопределенности выбора. Исторический опыт и электоральные сети упрощают осмысление программ партий или кандидатов (Downs, 1957, p. 215). Снижается уровень неопределенности и для политических партий, прежде всего для их руководства («центрального офиса»). Политические партии ориентируются на долговременные электоральные размежевания (*cleavages*) (Lipset, Rokkan, 1967, p. 5), и эта ориентация относительно быстро приводит к стабилизации партийных систем.

Другое не менее важное допущение строится на предположении, что правящие партии стремятся к сохранению общих правил игры на выборах. Следовательно, электоральные реформы и прочие изменения норм избирательного законодательства служат только их улучшению в интересах системы в целом (Lijphart, 1994, p. 91–94). Партии зависят от своих избирателей и стремятся сохранить их голоса. Занимая годами нарабатываемую электоральную нишу, партии не спешат отказываться от выработанной ранее стратегии. Избиратель знает, как будет позиционироваться партия, а партии дорожат связями с избирателем. Именно поэтому правящие партии не стремятся менять избирательные правила (*ibid.*). Это служит своего рода гарантией сохранения уровня диспропорциональности.

Следующим допущением является значимость выбора избирателей. При этом чем в большей степени выбор избирателей соответствует результатам выборов, тем меньше уровень диспропорциональности. Главным критерием адекватности «правил выборов» традиционно служит соответствие результатов распределения мандатов итогам голосования избирателей (Дюверже, 2000, с. 451–452; Walker, 2003, p. 132).

Наконец, последнее допущение исходит из того, что значимым для измерения уровня диспропорциональности признается только механизм перевода голосов в мандаты. В то же время существуют правила игры, часто специфичные для каждого конкретного случая, которые оказывают влияние на конверсию голосов. В развитых демократиях при соблюдении требований к демократическому проведению выборов считается достаточным измерять диспропорциональность только на основе разницы голосов и мандатов. Однако в электоральном авторитаризме существуют правила игры, оказывающие влияние на конверсию голосов опосредованно, и, таким образом, подобные правила игры не учитываются при расчетах наиболее часто используемых индексов диспропорциональности. Имеется в виду, что в электоральном авторитаризме предложение

политических партий для избирателей является не следствием исторического опыта или сложившихся электоральных сетей, а результатом межэлитных взаимодействий.

Такие допущения вполне нормально делать, если работать со случаями стран демократических. В таких странах политические институты выполняют привычные функции посредника между элитами и массами, рекрутирования политических элит, стимулирования формирования повестки дня по значимым вопросам. В то же время в странах электорального авторитаризма выборы представляют собой электоральные практики, призванные обеспечивать легитимацию и стабильность политического режима. Именно поэтому индексы диспропорциональности выборов, разработанные для развитых демократий, при измерении электоральных практик дают противоречивые результаты, часто плохо поддающиеся интерпретации. Новые способы измерения диспропорциональности в странах авторитаризма позволят более точно определять деформацию общественного мнения.

Индексы диспропорциональности. Традиционно индекс диспропорциональности исчисляется на основе разницы между поданными за партии долями голосов и долями мандатов, полученными ими в ходе одного или нескольких избирательных циклов. На более ранних этапах индекс максимально привязывали к типу избирательной системы — отсюда использование методов Сент-Лагю, Д'Ондт и т. д. (Grofman, 1983, p. 317; Gallaher, 1991, p. 50). Такие индексы учитывали отдельные особенности избирательных систем и некоторых стран. Стремление вовлечь в исследование большее число стран привело к распространению таких инструментов, как индексы Рэ, Лузмора — Хэнби, Галлахера.

Особенностью всех этих индексов является вычисление диспропорциональности через суммирование разниц между поданными за партии долями голосов и долями мандатов. Иными словами, в основе вычисления диспропорциональности лежит оценка воздействия правил игры на трансформацию мнения избирателя. В частности, индекс Рэ вычисляется следующим образом:

$$I = \frac{1}{n} \sum |v_i - s_i|,$$

где n — число партий, прошедших в парламент, v_i — доля голосов, полученных партией, s_i — доля мандатов, полученных партией.

Недостатком такого способа измерения диспропорциональности считается недопредставленность малых партий (Lijphart, 1994, p. 59). Индекс показывает незначительный уровень диспропорциональности при наличии в системе достаточного количества малых партий. Такую же проблему имеет и индекс Лузмора — Хэнби (Ibid.):

$$D = \frac{1}{2} \sum |v_i - s_i|.$$

Измерения, основанные на этом индексе, дают малым партиям большую значимость, однако также их недопредставляют (Ibid., p. 61). Одновременно он преувеличивает диспропорциональность в многопартийных системах (Ibid.).

Индекс Галлахера считается самым точным из всех благодаря формуле наименьших квадратов, используемой в индексе. Таким образом, он и не преувеличивает, и не преуменьшает значения диспропорциональности, полученные в многопартийных системах и системах с несколькими малыми партиями (Ibid., p. 62):

$$LSq = \sqrt{\left(\frac{1}{2} \sum (v_i - s_i)^2\right)}.$$

Итак, наиболее предпочтительным для измерения воздействия конверсии голосов на результаты выборов считается индекс наименьших квадратов Галлахера.

Индексы диспропорциональности для российского случая. Разработанные для развитых демократий индексы диспропорциональности могут быть использованы и для измерений при электоральном авторитаризме. Их результаты демонстрируют, насколько сама конверсия голосов как часть избирательной системы способна исказить выбор избирателя. Однако способ измерения конверсии голосов как разницы долей голосов и мандатов, полученных политическими партиями, не отражает в полной мере «деформацию общественного мнения» в результате воздействия избирательной системы на итоги голосования. Прежде всего это касается случаев электорального авторитаризма, где воздействие избирательной системы на конверсию голосов происходит не только непосредственно, но и косвенно — через воздействие на предложение. Таким образом, индексы диспропорциональности для стран электорального авторитаризма нуждаются в измерениях, которые учитывают другие особенности избирательных систем, характерные для электорального авторитаризма.

В странах электорального авторитаризма правящая группа стремится к сохранению доминирования одной партии, создавая имидж неизбежности ее преимуществ в сравнении с остальными (Magaloni, 2006, p. 15; Gandhi, Przeworski, 2007, p. 1282). При этом цель существования такого института — обеспечение политической стабильности (Wintrobe, 1998, p. 610; Исаев, 2008, с. 362). Следовательно, правила игры, оказывающие влияние на механизм конверсии голосов, играют важную роль в сохранении доминирования правящей партии. Дробя оппозицию и повышая для оппозиционных партий координационные издержки, правящая группа поддерживает доминирование одной политической партии (Diaz-Cayeros, Magaloni, 2001, p. 291; Golosov, 2013, p. 93]. Одновременно ликвидируются преимущества оппозиционных партий в регионах через разрушение их координации на общенациональных выборах, что также помогает сохранить партийное доминирование (Diaz-Cayeros, Magaloni, 2001, p. 272]. Иными словами, число партий и их положение в партийной системе — следствие взаимодействия элит, в то время как граждане из этого процесса исключены. Однако в связи с каждым случаем электорального авторитаризма элементы избирательной системы, трансформирующие выбор избирателя, будут специфичны, поскольку разные элементы электоральной формулы используются для трансформации выбора избирателя. Например, в Мексике таким инструментом служат

выборы в многомандатных округах в общенациональный парламент и региональные легислатуры (Ibid.).

В России таким инструментом служит деление партийных списков политических партий на территориальные группы (Иванова, 2012, с. 95). В 2007 г. на выборах депутатов Государственной Думы РФ действовала система формирования списков, регламентирующая структуру партийного списка. В частности, речь идет об ограничении на включение в общенациональную часть списка 3 кандидатов и о минимальном числе региональных групп — 80 (Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ¹ в ред. от 24 июля 2007 г.). На выборах депутатов Государственной Думы РФ в 2011 г. число кандидатов в общенациональной части списка было увеличено до 10 чел., а число региональных групп составляло 70 (Федеральный закон № 51-ФЗ в ред. от 20 октября 2011 г.). При этом территория регионов, где численность избирателей составляет менее 650 тыс. чел., должна была включаться в состав территориальных групп, а часть субъекта РФ могла быть включена в территориальную группу, если численность ее избирателей не менее 650 тыс. чел. (Федеральный закон № 51-ФЗ в ред. от 24 июля 2007 г.). Правом определять границы групп внутри списка партии и на федеральных, и на региональных выборах наделены избирательные комиссии (Федеральный закон № 51-ФЗ в ред. от 24 июля 2007 г.). Решение о том, какой порядок займут кандидаты в списках политических партий, принимают центральные органы партий (Федеральный закон № 51-ФЗ в ред. от 24 июля 2007 г.). Следовательно, именно они управляют неопределенностями при распределении мандатов между кандидатами при системе закрытых списков. Число территориальных групп и порядок расположения кандидатов внутри списка партии определяет степень вероятности, с которой кандидат получит мандат. Логично предполагать, что кандидаты, выдвигающиеся от списка партии, способны достаточно хорошо прогнозировать результат, который может быть получен партией в регионе. Следовательно, такая система позволяет создавать «эффект метлы», который в рамках пропорциональной части избирательной системы «собирает» кандидатов, обладающих большим влиянием в территориях, в списки крупнейшей партии в партийной системе — «Единой России».

Дробление общенациональных списков политических партий минимум на 70–80 территориальных групп приводит к расщеплению пула потенциальных кандидатов оппозиционных политических партий и способствует их кооптации в состав доминирующей партии в системе. Иными словами, происходит воздействие на «предложение» для избирателей и в конечном счете опосредованное влияние на результаты выборов.

Существующие индексы диспропорциональности не учитывают эффект расщепления пула потенциальных кандидатов оппозиционных политических партий. Таким образом, при исчислении уровня диспропорциональности фактор воздействия на предложение не рассматривается. В действительности это один

¹ Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 21. Ст. 1919 (далее — Федеральный закон № 51-ФЗ).

из ключевых факторов, формирующих доминирование в рамках системы одной партии (Magaloni, 2006, p. 6).

Таким образом, важно определить эффект влияния особенностей избирательной системы на конверсию голосов. На самом деле такие механизмы специфичны для каждой страны. В случае с Россией особенностью структуры списков политических партий является деление на территориальные группы. Именно поэтому эффект территориального распределения можно учесть через замер распределения территориальных групп относительно результатов голосования за политическую партию. Логично, что с математической точки зрения данное соотношение может быть представлено как отношение числа мандатов, полученных партией, к числу территориальных групп партийного списка той же партии. Такой элемент в формуле исчисления индекса позволит определить, как избирательная система дробит единый округ для кандидатов от политических партий. При этом для электорального авторитаризма и для России нехарактерна двухпартийность. Следовательно, логично в измерении диспропорциональности исключить из формулы деление разницы долей голосов и мандатов на два.

Иными словами, поскольку вероятность получения партией мандата зависит от того, как мандаты распределяются внутри списка, необходимо взять отношение числа мандатов, полученных партией на выборах, к числу территорий, на которые избирательная система распределяет мандаты.

В случае с Россией в качестве параметра для измерения предполагаются территориальные группы, на которые политическая партия делит свой список, и соответственно отношение числа мандатов (a_m) к числу территориальных групп в списке партии (g_{tg}):

$$LSq = \sqrt{\sum_{n=1}^{\infty} \left(\frac{a_m}{g_{tg}} (v_i - s_i)^2 \right)}.$$

Согласно требованиям российского избирательного законодательства территориальные группы могут включать в себя и часть территории одного региона, и территории нескольких регионов (Федеральный закон № 51-ФЗ в ред. от 24 июля 2007 г.). Однако в данном случае это не является препятствием, поскольку при расчете индекса нет необходимости определять принадлежность мандата к конкретному региону. Важно установить только то, как мандаты, полученные партией, территориально распределены относительно избирательной системы.

В табл. 1 приведены примеры исчисления традиционных индексов диспропорциональности и индекса диспропорциональности, адаптированного для российского случая выборов депутатов Государственной Думы РФ. Данные таблицы демонстрируют, что индекс Лузмур — Хэндби и индекс наименьших квадратов Галлахера показывают близкие значения: 14,67 и 12,47 для пропорциональной части в 2003 г.; 4,12 и 4,17 — для 2007 г., 3,28 и 2,82 — для 2011 г. Интересно, что именно эти два индекса используют поправку на двухпартийность.

Индекс Рэ показывает более низкие значения (7,33, 2,06 и 1,64), чем индексы Галлахера и Лузмора — Хэнби.

**Индексы диспропорциональности для случаев выборов депутатов
Государственной Думы Федерального Собрания РФ в 2003, 2007, 2011 гг.**

	Выборы депутатов Государственной Думы в 2003 г. по пропорциональной части смешанной избирательной системы	Выборы депутатов Государственной Думы в 2007 г.	Выборы депутатов Государственной Думы в 2011 г.
Индекс Рэ	7,33	2,06	1,64
Индекс Лузмора—Хэнби	14,67	4,12	3,28
Индекс наименьших квадратов Галлахера	12,47	4,17	2,82
Индекс диспропорциональности для российского случая	33,70	11,16	6,43

Источники: официальный сайт ЦИК РФ (www.cikrf.ru); расчеты автора.

Из данных таблицы видно, что показания индекса диспропорциональности, адаптированного для российского случая, значительно выше в 2003 г. по сравнению с данными 2007 и 2011 гг. Значения предлагаемого индекса диспропорциональности варьируются для российского случая с 33,7 в 2003 г. до 6,43 в 2011 г. Кроме того, значения индекса диспропорциональности, адаптированного для российского случая, показывают динамику, аналогичную традиционным индексам диспропорциональности.

В литературе о выборах такие высокие значения индексов для российского случая принято объяснять высоким уровнем фрагментации предложения политических партий и высоким электоральным барьером (Moser, 2001, p. 21). В 2003 г. был получен более высокий уровень диспропорциональности в сравнении с предыдущими периодами, как считается, вследствие поражения либеральных партий (Голосов, 2005, с. 111). Таким образом, сохранение динамики индексов показывает, что индекс диспропорциональности, адаптированный для российского случая, также измеряет воздействие правил игры на партийное представительство и позволяет измерить диспропорциональность выборов. Кроме того, более высокий уровень диспропорциональности в 2003 г. по показаниям всех приведенных в таблице индексов демонстрирует, что высокий уровень фрагментации российской партийной системы в сочетании с электоральным барьером вызывает высокий уровень диспропорциональности по измерениям всех индексов. Иными словами, именно воздействие на предложение политических партий приводит к изменению диспропорциональности, которое

в свою очередь измеряется индексами диспропорциональности. Итак, созданием нового индекса делается попытка включить в оценку диспропорциональности влияние других элементов избирательной системы на результаты выборов.

Таким образом, при измерении воздействия диспропорциональности на конверсию голосов используется территориальное распределение, трансформирующее «предложение» для избирателя. Учет данного фактора делает значение индексов диспропорциональности более высокими.

Во-первых, это позволяет более точно измерять диспропорциональность для российского случая.

Во-вторых, несмотря на потерю сравнимости показаний нового индекса для России с другими страновыми случаями, индекс позволяет оценивать диспропорциональность российских общенациональных выборов, а также сравнивать их с диспропорциональностью российских региональных выборов.

В-третьих, значения индекса, как видно из табл. 1, более точно позволяют измерять отклонения общественного мнения относительно результатов голосования.

Настоящая статья не претендует на создание общего индекса диспропорциональности, подходящего для всех стран. В результате проведенной работы была предпринята попытка определить и уточнить индекс диспропорциональности, адаптированный для российского случая.

Предполагается, что работа по созданию новых инструментов измерения, пригодных для измерения выборов в электоральном авторитаризме или в отдельных случаях, позволит более точно подходить к оценке результатов выборов и избирательного процесса в разных странах.

Литература

- Голосов Г. В.* Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // Политические исследования. 2005. № 1. С. 108–119.
- Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проект, Парадигма, 2000. 538 с.
- Иванова М. В.* Реформа избирательной системы и региональное измерение выборов в Государственную Думу 2007 г. // Политическая наука. 2012. № 1. С. 94–109.
- Исаев Б. А.* Теория партий и партийных систем. М.: Аспект-пресс, 2008. 368 с.
- Острогорский М.* Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. 640 с.
- Diaz-Cayeros A., Magaloni B.* Party Dominance and the Logic of Electoral Design in Mexico's Transition to Democracy // Journal Of Theoretical Politics. 2001. Vol. 13, N 3. P. 271–293.
- Downs A.* An Economic Theory of Democracy. New York: Harper and Row, 1957. 310 p.
- Gallagher M.* Proportionality, disproportionality and electoral systems // Electoral studies. 1991. Vol. 10. P. 33–51.
- Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // Comparative Political Studies. 2007. Vol. 40, N 11. P. 1279–1301.
- Grofman B.* Measures of bias and proportionality in seats-votes relationships // Political Methodology. 1983. N 3. P. 295–327.
- Golosov G. V.* Proportional representation and authoritarianism: evidence from Russia's election law reform // Representation. 2013. Vol. 49, N 1. P. 83–95.
- Lijphart A.* Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990. Oxford University Press, 1994. 222 p.

Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems and voter alignments // Party Systems and Voter Alignments. New York: Free Press, 1967. P. 1–64.

Magaloni B. Voting for autocracy: hegemonic party survival and its demise in Mexico. Cambridge University Press, 2006. P. 300.

Moser R. G. Unexpected outcomes: electoral systems, political parties and representation in Russia. Pittsburgh, 2001. 183 p.

Seeberg M. State capacity and the paradox of authoritarian elections // Democratization. 2014. Vol. 21, N 7. P. 1265–1285.

Schedler A. The menu of manipulation // Journal Of Democracy. 2002. Vol. 13, N 2. P. 36–50.

Schedler A. The Criminal Subversion of Mexican Democracy // Journal of Democracy. 2014. N 1. P. 5–18.

Tan N. Manipulating electoral laws in Singapore // Electoral Studies. 2013. Vol. 32, N 4. P. 632–643.

Walker M. C. The Strategic Use of Referendums: Power, Legitimacy, and Democracy. Palgrave, 2003. 153 p.

Wintrobe R. The Political Economy of Dictatorship. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998. 390 p.

Иванова Мария Вячеславовна — кандидат политических наук; mariaivanova2008@gmail.com; mv_ivanova@hse.ru

Статья поступила в редакцию: 28 апреля 2015 г.;

рекомендована в печать: 3 сентября 2015 г.

Для цитирования: Иванова М. В. Измерение выборов при электоральном авторитаризме: индекс диспропорциональности для российских выборов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11, № 4. С. 198–207.

ELECTION MEASUREMENT UNDER THE ELECTORAL AUTHORITARIANISM: THE DISPROPORTIONALITY INDEX OF RUSSIAN ELECTIONS

Maria V. Ivanova

National Research University “Higher School of Economics”,
Studencheskaya ul., 38, Perm, 614070, Russia;
mariaivanova2008@gmail.com; mv_ivanova@hse.ru

Disproportionality index measures a deviation of an electoral outcome from the voters' choice. It is measured usually through the deviation of the number of allocated seats from the vote shares. The article presents an alternative way to measure a degree of disproportionality under the electoral authoritarianism. The disproportionality index takes into account indirect effect to electoral supply, which is measured by candidates territorial dimensions. Thus, using Russian electoral system features help to make the tool for more accurate evaluation of disproportionality as a deviation of an electoral outcome from the voters' choice.

Keywords: disproportionality, elections, regional elections, political parties, electoral systems, party systems, disproportionality index, electoral authoritarianism, ruling groups.

References

Golosov G. V. Sfabrikovannoe bol'shinstvo: konversija golosov v mesta na dumskih vyborah 2003 g. [Falsifies Majority: the conversion of votes into seats in the Duma elections of 2003]. *Politicheskie issledovanija* [Political Studies], 2005, no. 1, pp. 108–119. (In Russian)

Duverger M. *Les partis politiques*. Paris, Librairie Armand Colin, 1951, 476 p. (Russ. ed.: Djuverzhe M. *Politicheskie partii*. Moscow, Academic Project, Paradigm Publ., 2000, 538 p.).

Ivanova M. V. Reforma izbiratel'noj sistemy i regional'noe izmerenie vyborov v Gosudarstvennuju Dumu 2007 g. [Reform of the electoral system and the regional dimension of the elections to the State Duma in 2007]. *Politicheskaja nauka* [Political science], 2012, no. 1, pp. 94–109. (In Russian)

Isaev B. A. *Teorija partij i partijnyh system* [The theory of parties and party systems]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2008, 368 p. (In Russian)

Ostrogorskij M. *Demokratija i politicheskie partii* [Democracy and political parties]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 640 p.

Diaz-Cayeros A., Magaloni B. Party Dominance and the Logic of Electoral Design in Mexico's Transition to Democracy. *Journal Of Theoretical Politics*, 2001, vol. 13, no. 3, pp. 271–293.

Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. New York, Harper and Row, 1957, 310 p.

Gallaher M. Proportionality, disproportionality and electoral systems. *Electoral studies*, 1991, vol. 10, pp. 33–51.

Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats. *Comparative Political Studies*, 2007, vol. 40, no. 11, pp. 1279–1301.

Grofman B. Measures of bias and proportionality in seats-votes relationships. *Political Methodology*, 1983, no. 3, pp. 295–327.

Golosov G. V. Proportional representation and authoritarianism: evidence from Russia's election law reform. *Representation*, 2013, vol. 49, no. 1, pp. 83–95.

Lijphart A. *Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990*. Oxford University Press, 1994, 222 p.

Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems and voter alignments. *Party Systems and Voter Alignments*. New York, Free Press, 1967, pp. 1–64.

Magaloni B. *Voting for autocracy: hegemonic party survival and its demise in Mexico*. Cambridge University Press, 2006, 300 p.

Moser R. G. *Unexpected outcomes: electoral systems, political parties and representation in Russia*. Pittsburgh, 2001. 183 p.

Seeberg M. State capacity and the paradox of authoritarian elections. *Democratization*, 2014, vol. 21, no. 7, pp. 1265–1285.

Schedler A. The menu of manipulation. *Journal Of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 2, pp. 36–50.

Schedler A. The Criminal Subversion of Mexican Democracy. *Journal of Democracy*, 2014, no. 1, pp. 5–18.

Tan N. Manipulating electoral laws in Singapore. *Electoral Studies*, 2013, vol. 32, no. 4, pp. 632–643.

Walker M. C. *The Strategic Use of Referendums: Power, Legitimacy, and Democracy*. Palgrave, 2003. 153 p.

Wintrobe R. *The Political Economy of Dictatorship*. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1998, 390 p.

For citation: Ivanova M. V. Election measurement under the electoral authoritarianism: the disproportionality index of russian elections. *Political expertise: POLITEX*, 2015, vol. 11, no. 4, pp. 198–207.